

Бессонов Евгений Иванович

О ВИСЛО-ОДЕРСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Родился я 20 июля 1923 года в Москве, на улице Фридриха Энгельса, бывшей Ирининской. Отец мой, Иван Васильевич Бессонов с 7 лет работал подпаском (помощник пастуха), в Москву приехал в 1908 году пятнадцатилетним деревенским парнем. Мама же, Ольга Павловна, была коренной москвичкой. Отец работал до революции приказчиком, а после – в государственном торговом секторе. Мама была портнихой до революции, а после Октябрьской революции не работала, растила меня и трех моих старших сестёр – Елену, Галину и Любовь.

Приблизительно до 13-14 лет я рос болезненным и худым ребенком. Часто болел, перенес скарлатину, корь, воспаление легких и среднего уха. Был застенчивым, часто терялся на уроках, не всегда правильно мог сформулировать свою мысль. Сначала тяжело давалась математика, затем исправился, но грамотно писать так и не научился – всю жизнь пишу с ошибками.

Для укрепления здоровья я стал заниматься спортом: подтягивался на турнике, ходил на лыжах, играл в футбол и волейбол. С ребятами мы соревновались в прыжках в длину и высоту. Два года занимался на стадионе «Локомотив» в секции борьбы, там же поднимал штангу и гири для укрепления мышц. В школе на большой перемене мы с ребятами занимались на брусках, прыгали через коня. В 10 классе я занял первое место в школе по прыжкам в высоту, участвовал в районных соревнованиях по

лыжам, правда, больших успехов не достиг, так же как и в борьбе. Занятия спортом пошли мне на пользу. Я физически окреп, и даже болезни отступили.

При призыве в армию в августе 1941 году мне было тогда 18 лет, мой рост был 180 см и вес – 70 кг, нормальные данные для восемнадцатилетнего парня. Спорт помог мне в дальнейшем легко переносить физические нагрузки в армейской жизни и на фронте.

Позднее, в армии, у меня обнаружилась способность к стрельбе из любого индивидуального вида оружия, особенно из пистолета. Меня решением комсомольской организации избрали председателем добровольного общества ОСОАВИАХИМА (после войны эта организация стала называться ДОСААФ). Не скажу, что работа в этой организации школы кипела, но по рекомендациям районного Общества, райкома комсомола, а также райвоенкомата, школьное общество изредка проводило соревнования по стрельбе в тире, особенно нужное ребятам, устраивались походы в противогазах; даже уроки и другие мероприятия проводились в противогазах.

К сожалению, в последней, четвертой, четверти, учебного 1941 года мы прекратили заниматься спортом – надо было готовиться к выпускным экзаменам. После длительного обсуждения несколько человек из моего класса, в том числе и я, решили поступать в Севастопольское военно-морское училище, но я не прошел в это училище по зрению. Медицинской комиссией у меня был обнаружен дальтонизм, правда, незначительный. Но все равно комиссия определила негодность к службе в военно-морском флоте и в авиации. Я пытался поступать и в аэроклуб.

О войне мы, одноклассники, не думали и к тому же считали, что война будет проходить на чужой территории; тогда мы были беспечные. Выпускные экзамены, кроме сочинения, я сдал на отлично. Выпускной вечер состоялся 17 июня 1941 года, нам были вручены аттестаты зрелости. Через пять дней началась война.

Я встретил известие о начале войны в городе. Вместе с Владимиром Гривниным, одноклассником, мы собрались пойти в кинотеатр Повторного фильма, который находился у Никитских ворот. Известие о войне мы, мое ребячье окружение, встретили спокойно, предполагали, что фашистскую армию вот-вот отбросят от границы страны. Но получилось совсем иначе. Самая жестокая из всех войн длилась для нас 1418 дней, или 3 года, 10 месяцев, и 17 дней.

Числа 25-26 июня 1941 г. меня и других комсомольцев пригласили в Бауманский райком комсомола. Там нам предложили поехать в Брянскую область на строительство оборонительных сооружений. Вечером этого же

дня с кое-какими личными вещами и продуктами нас погрузили в эшелон и отправили на запад на строительство оборонительного рубежа. Мы начали работать под городом Кировом Брянской области.

Работали мы по 12 часов в день и, непривычные к физическому труду, здорово изматывались. Засыпали моментально, как только касались «ложа» из сена или соломы, приготовленного в основном в сараях. Рыли противотанковые рвы, окапывали берега рек, копали окопы, ставили проволочные заграждения. В некоторых случаях восстанавливали после бомбежек железнодорожные пути. Но основным для нас занятием было рытье противотанковых рвов.

Кормежка была плохая, нам её не хватало, а население деревень не отличалось добротой. Приходилось нашему прорабу, прибывшему вместе с нами из Москвы, проводить беседы с жителями, чаще с руководством колхоза, села, если они не были призваны в армию, об оказании нам помощи хотя бы картошкой. Редко, но помогало.

Нас несколько раз бомбили немцы, с перепугу мы разбегались как зайцы. Молодые были, здоровые – бегали быстро. Правда, потерь не было, тем более, что бомбы рвались в стороне, но дрожь в ногах, у нас, необстрелянных, была. Работали мы там 45 дней, до 8-го августа 1941 года, а затем в спешном порядке нас посадили в эшелон и утром 9-го августа привезли в Москву, на Киевский вокзал. Студентов институтов на месте призвали в армию и направили по воинским частям.

Когда мы, 5-7 человек, вошли в вагон поезда метро, на нас стали обращать внимание пассажиры. Мы были оборванные, грязные, в заплатках на рубашках и брюках, волосы на голове отросли. Но затем нас обступили женщины и стали расспрашивать, кто мы и откуда. Когда узнали, что мы с трудового фронта, то стали, как все матери, задавать вопросы о своих детях, но мы никого из них не знали и не встречали.

По прибытии домой меня ждала повестка о призыве в Красную Армию с явкой на сборный пункт – Токмаков переулок, 11 августа 1941 г. Это был сборный пункт Бауманского райвоенкомата Москвы. Такие повестки получили, кроме меня, и многие другие мои соседи и одноклассники.

В ночь на 12 августа 1941 года нас поместили в эшелон, в товарные вагоны и мы отправились на восток. По дороге отдельные вагоны отцепляли, и ребят направляли в военные училища.

Недалеко от Челябинска нас разместили в палатках Чебаркульского военного лагеря, куда выезжали на летний период воинские части Уральского военного округа. До наступления холодов мы прожили в этом лагере, и с нами занимались в основном строевой подготовкой. Одежда на нас была

наша, гражданская. С наступлением холодов нас перевели в летний кинотеатр парка культуры Челябинска. Такие летние кинотеатры до войны имелись и в Москве.

Осень на Урале была холодная, в кинотеатре мы мерзли. Стали болеть, у многих ребят обувь развалилась, да еще питание было паршивое, кое-кто стал заниматься воровством. Потом где-то сверху приняли решение избавиться от многочисленной неуправляемой разношерстной компании – а нас было не менее 500 человек, большинство из которых с утра разбегалось по городу в поисках еды. Стали постепенно отправлять эту братву к местам службы, кого куда.

В октябре нас, человек двадцать, отобрал незнакомый старшина, и с ним мы выехали в колхоз на уборку картофеля, который не убрали местные жители до заморозков. Разместили нас в неотапливаемом помещении, мы мерзли по ночам, но за день так уставали, что этого холода не замечали. А был это Урал, и была уже середина или конец октября.

Жители села нам ничем не помогали, ни продуктами, ни дровами, даже картошку сварить было не в чем. Ходили всегда голодными, к тому же простудились многие, в том числе и я. Наш старший тоже не проявил должной заботы, хорошо что принял решение возвратиться нас в Челябинск. В какой-то мере понятно высказывание одной крестьянки из села, где мы рыли противотанковые рвы в июле 1941 г., которая отказала, нам в продуктах, заявив: «А чем я буду кормить немцев, которые скоро придут?». Но ведь то было в Брянской области, а не на Урале, от которого немцы далеко. Никогда в жизни таких людей не встречал, не зря их «чалдонами» зовут. Такое отношение было к нам еще только на Западной Украине. Но это уже бендэровские регионы, которые вошли в состав СССР в 1940 г.

Моя цель – показать Великую Отечественную войну глазами непосредственного участника. Не маршала или писателя, а глазами командира взвода и роты танкового десанта мотострелкового батальона, механизированной бригады 4-й танковой армии, в составе которой я провоевал без малого два года – с 1943 по 1945 гг. – и с которой прошёл по фронтовым дорогам около 3.800 километров – таков мой боевой путь. Это очень много для командира моего ранга, непосредственного участника атак в общей цепи атакующих бойцов или на броне танков, развернутых в атаку. Неоднократно меня спасали от гибели интуиция, фронтовой опыт и знание действий противника. Но главное, по-моему, – это везение. На фронте это играло большую роль, что я испытал на себе, и неоднократно.

Висло-Одерская операция

Закончилась наша подготовка на Сандомирском плацдарме (р. Висла) к предстоящим боям. На плацдарм мы были переброшены еще в августе 1944 г. из-под г. Самбора (Украина) на помощь советским армиям, которых немцы стремились сбросить с плацдарма. А он для наших войск играл исключительную роль для дальнейшего наступления.

В конце декабря 1944 г. наша 49 механизированная Каменец-Подольская бригада 6 гвардейского Львовского механизированного корпуса 4 танковой армии вышла из мест формирования, где после летних кровопролитных, ожесточенных боев наступило затишье и нашу 4 танковую армию – во второй эшелон.

В район сосредоточения мотострелковые батальоны бригады в декабрьские морозы продвигались своим ходом, танки продвигались отдельно и другими маршрутами. В этом районе сначала спали под открытым небом у костров, пока не построили землянки. Мороз, по нашим понятиям, был не очень большой – градусов 8-10, но за сутки на морозе дрожь пробирала до костей.

Офицерский состав несколько раз вывозили на передний край, знакомили с маршрутами движения танков и нас – десанта. Знакомились с экипажами танков. Мы не знали, когда начнется наступление, это было секретом под большим замком, но «солдатское радио» предчувствовало, что скоро наступит такой момент.

И он наступил – 12 января 1945 г. После длительной авиационно-артиллерийской подготовки общевойсковые соединения перешли в наступление, стремительной атакой захватили и первый, и второй оборонительные рубежи противника.

После прорыва обороны противника общевойсковыми частями настала наша очередь перейти в наступление. Задача бригады (и армии) – войти в прорыв, развить наступление к р. Одеру и захватить на западном берегу плацдарм.

Наша мотострелковая рота, как и другие роты батальона, на танках бригады десантом начала движение вперед. С дороги опасно было сворачивать, минеры еще не успели разминировать эти участки. Командир нашей бригады, полковник Туркин П.Н., на легковой машине подорвался на mine, но случайно остался живым. Шофера и ординарца убило.

Весь день 12 января удачно продвигались вперед, но все-таки как-то медленно. Авиация противника не действовала – была низкая облачность. Однако к вечеру наше движение было приостановлено сильным огнем противника впереди лежащего населенного пункта.

Роты развернулись в цепь, покинув танки, и при поддержке танковым огнем стремительно перешли в атаку, ворвались в село и вышли на его противоположную окраину, захватив немецкие траншеи. Противник бежал. Дальше мы не пошли – впереди виднелись немецкие танки «тигры», которые вели из орудий огонь по нашим танкам «Т-34-85», сиявшим перед селом за домами или в ином укрытии.

В период атаки я потерял связь с взводом старшего лейтенанта Гриши Вьюнова и командиром роты старшего лейтенанта Чернышовым Николаем. А со мной были два взвода: лейтенанта Шакуло П., который был ранен, и подошедший ко мне пулеметный взвод нашей роты во главе с лейтенантом Александром Гущенковым.

Бригаду и наш мотострелковый батальон остановил крупный резерв противника, я напротив роты насчитал не менее 8-10 танков «тигр», (это когда немцы бросали осветительные ракеты впереди своих сил, да и мои солдаты мне подсказали). Пехоту не было видно, но ее присутствие ощущалось.

Немцы свои траншеи, которые мы только что взяли, кое-где заминировали. Я предупредил своих бойцов, чтобы ни к чему немецкому не прикасались, но один солдат из взвода лейтенанта Шакуло П.С. что-то неосторожно задел и погиб от взрыва мины, называемой «сюрпризом».

Бой завязался на всю ночь. Немецкие танки то подходили близко к селу, то от огня наших танков и артиллерии отходили назад метров на 100-150. Пехота тоже пыталась атаковать нашу роту, но каждый раз от огня наших бойцов отходила назад. Особенно удачно действовал пулеметный взвод, из двух пулеметов, лейтенанта Гущенкова А.Ф., в упор косил атакующую немецкую пехоту.

Ночной бой – сложный бой: плохая видимость, теряется видимая связь между подразделениями, командирами, противника тоже не видно. Ротные пулеметчики «максимы» скосили одну группу в 15-20 метрах от себя. Для освещения наших позиций немцы стали поджигать дома. Село горит, противник ведет огонь орудийный и пулеметный, мы тоже отвечаем на его огонь, но в темноте результаты стрельбы не видны. Стоит гул, горят сжигаемые дома. Рвутся снаряды, визжат осколки от них, свистят пули.

Позади роты находились наши три танка «Т-34» – «тридцатьчетверки», в порядке поддержки нас огнем. Экипажи этих танков были необстрелянные, в бою впервые. Многие солдаты нашей роты тоже не были в бою, а тут «из огня да в полымя». Надо было проявить осторожность и внимательность, хотя я и надеялся на своих солдат и на танки, но в такой обстановке некоторых мог охватить страх. Каждому дорога жизнь, сама

природа наделила нас инстинктами самосохранения. Другое дело – уметь владеть чувствами, научиться подчинять их своей воле. А сколько же таких легендарно смелых, отважных бойцов сложили свои головы в боях за Родину!

В этом бою большую помощь мне оказывал помком-взвода сержант Савкин Николай Михайлович, 1925 г. рождения. Мне приходилось все время быть на виду у солдат, то на одном фланге, то на другом, поддерживать их дух, их стойкость, вести огонь по противнику, не обращать на танки противника внимание. Нельзя было допустить панику и покинуть поле боя. Это несовместимо с полученной задачей. Груз ответственности, взваленный на наши молодые плечи войной, был тяжел, приходилось отвечать за жизнь подчиненных солдат, за порученное дело, но ни я, ни мои бойцы не согнулись в этом бою, не сломались, и я был рад этому.

Немецкие танкисты вели огонь чуть ли не по каждому бойцу. В какой-то миг я спрыгнул в окоп, и тут же на бруствере разорвался снаряд, почти завалив окоп землей. В голове стоял гул, но все обошлось.

Когда с рассветом наша артиллерия и катюши открыли огонь по танкам и пехоте, противник перестал рваться на наши окопы и танки быстро ушли на запад. Видимо, у них была цель сдержать наше наступление, чтобы вывести свои войска от разгрома на другом участке фронта, вывести их из окружения. Потери с нашей стороны были незначительны. Утром мы установили связь с командиром роты и другим взводом. Были рады, что вышли живыми из этого боя.

Через некоторое время десантом на танках продолжили движение на запад, к Одеру.

Закончилась война – Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. Она продолжалась 1418 дней и ночей, и почти половину из этих дней я прошел по дорогам войны. Это война никого не щадила – ни солдата, ни генерала.

Бессмертна заслуга советских воинов в защите Родины – Союза Советских Социалистических Республик. Великий подвиг великого народа будет жить в памяти потомков.

Моя юность – это военная юность. Для моего поколения она оказалась жестокой. Кто-то подсчитал, что из воинов 1923 года рождения осталось, в живых только три процента. Страшно представить. Это мой год рождения, но меня хранила судьба – я уцелел (из 100 человек осталось в живых только 3).

Рассказать о Великой Отечественной войне я считал своим долгом перед всеми – и теми, кто не вернулся с войны, и перед своими товарищами-однополчанами. Дать возможность понять людям, что мы пережили и испытали, какой дорогой ценной досталась нам Победа.

В войне гибнет самое ценное – Люди! Склоняю голову перед павшими, перед их подвигами. Вечная Слава им. Их подвиги не померкнут в веках. Память о них останется у меня до конца моей жизни!

Скромные памятники и обелиски на братских могилах – это узелки нашей памяти о погибших за Отечество – Россию.

Мы должны выразить глубокую признательность и благодарность всем оставшимся в живых за то, что у них хватило сил пронести на своих плечах тяжкое бремя войны.

Изложенное в воспоминаниях – это моя личная точка зрения, мои личные суждения, моё восприятие жизни. Это взгляд на прошедшую жизнь простого советского человека, профессионального военного, отдавшего службе в Красной Армии, а затем в Советской Армии 35 лет: с 1941 по 1976 год. Службу я начал с 18 лет и закончил ее в возрасте 53 лет в звании полковника.

Я был убежденным коммунистом, членом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) – ВКП(б), затем – коммунистической партии Советского Союза, в рядах которой состоял с октября 1942 года по август 1991 года. Закоренелый атеист. Свои суждения не изменял. Перевертышем не был и не буду.

Великая Отечественная война легла тяжелым грузом на Советский Народ, на нашу Родину, но как ни тяжело было, народ и, в первую голову, русский народ, выстоял. С большими потерями, но выстоял, хотя было очень тяжело, как на фронте, так и в тылу.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь *Аксенов Кирилл Николаевич*, студент 3-го курса Московского авиационного института